УДК 930.85

«ВЕЛИКАЯ ДИВЕРГЕНЦИЯ» В ИССЛЕДОВАНИЯХ «КАЛИФОРНИЙСКОЙ ШКОЛЫ» ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ**Сергей С. Булдыгин^{1, @}**¹ Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6@ buldygin.sergey@mail.ru

Поступила в редакцию 08.07.2016.

Принята к печати 22.09.2016.

Ключевые слова: Калифорнийская школа, Великая дивергенция, промышленная революция, экономический рост, европоцентризм.**Аннотация:** В статье анализируются взгляды ученых «Калифорнийской школы» на «возвышение» стран Европы в Новое время, названное в 1990-е гг. «Великой дивергенцией». Представители школы исходят из положения о том, что передовые страны Востока вплоть до XIX в. не отставали по уровню развития от стран Западной Европы. Китай и Индия по уровню жизни, заработной платы и производительности труда ничем не уступали Западу. Исследователи, точки зрения которых представлены в данной статье, считают, что до 1800 г. наиболее развитые области Евразии обладали рядом сходств. Они указывают на то, что «Великая дивергенция» между Западом и Востоком началась только в ходе индустриальной революции, а также что это временное явление. В статье предпринимается критический анализ идей и концепций, дается оценка теоретического вклада в развитие проблематики становления современной промышленной цивилизации.**Для цитирования:** Булдыгин С. С. «Великая дивергенция» в исследованиях «Калифорнийской школы» экономической истории // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 21–25. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-21-25.

Глобальные изменения конца XX в. привели к серьезной переоценке традиционных оценок дихотомии Запада и Востока. Социальный, культурный, политический подъем азиатских обществ отразился в том числе и на развитии национальных исторических школ. В новой глобальной исторической перспективе цивилизация Востока все реже рассматривается как отсталая, зависящая и ведомая.

После Второй мировой войны в западной науке наметилась тенденция отхода от европоцентризма. Деколонизация стран Азии и Африки, самобытные пути развития стран третьего мира заставили ученых и политиков отказаться от линейных теорий модернизации в духе «вестернизации». В шестидесятые годы на формирование более вариативной модели исторического развития повлияла школа «новой экономической истории» (клиометрика). Позднее оформились концептуальные идеи школ зависимости и миротемного анализа. Новые модели по-разному объясняли причины и факторы «возвышения» Западной цивилизации в 1500–1800 гг. Акцент делался на том, что Восток в мировой системе занимал положение «периферии» по отношению к динамично поднимающимся странам западноевропейского и североамериканского «ядра» [1]. Исторические и социальные процессы на Востоке рассматривались в данных теориях «негативно», как отражение генеральных процессов, происходивших на Западе. К 1990-м гг. эти взгляды претерпели значительную эволюцию. Факторная модель развития разных регионов Европы стала более разнообразной и нелинейной.

В конце XX в. в американской историографии появляется концепт «Великой дивергенции» (The Great Divergence) между Западом и остальным миром, в частности Китаем. Автором данного понятия стал С. Хантингтон.

Он использовал термин в концепции «столкновения цивилизаций» [2, р. 180]. Под «Великой дивергенцией» понимается процесс, происходивший в Западной Европе в Новое время, посредством которого в XIX веке европейцам удалось достигнуть доминирующего положения над странами Востока. Причинами этого были особые культурные, политические и экономические предпосылки, созревшие в доиндустриальной Европе.

На протяжении последних двух столетий ученые пытаются объяснить причины успеха Европы, позволившего распространить ей политическое, экономическое и культурное влияние в мире. Генерализирующие концепции и теории в разное время выдвигали К. Маркс, М. Вебер, Т. Парсонс, У. Ростоу, У. Макнил, Ф. Бродель, И. Валлерстайн. В 1990–2000-е гг. в США появляются работы, содержащие ревизию взглядов на причины и факторы индустриальной революции в Европе XVIII–XIX вв. (Р. Б. Вон, Дж. Голдстоун, К. Померанц, Д. Ли, В. Фенг, А. Г. Франк). Указанных авторов объединяла работа в научных центрах Калифорнии, а также разработка схожей проблематики, что позволило социологу и историку Дж. Голдстоуну говорить о «Калифорнийской школе» (the California School) [3, р. 177]. Представителей школы отличал глубокий интерес к сопоставлению экономических, социальных и демографических параметров европейских и восточных обществ.

Так, Р. Б. Вон в своих работах попытался по-новому взглянуть на процессы, происходившие в Европе и Китае Нового времени. Ученый считает, что «ведущая роль Европы, как в пространстве, так и во времени была преувеличена» [4, р. 281]. Причины этому исследователь находит в проблеме «объективного восприятия» европейцами остального мира сквозь призму устоявшихся теорий. На стабильный восточный социум евро-

пейцы смотрят в контексте генеральных европейских процессов – становления национальных государств и промышленно-финансового капитализма [4, р. 1]. Отсутствие аналогичных процессов рассматривается как проявление отсталости. Р. Б. Вон утверждает, что необходимо искать адекватный взгляд на исторические реалии Востока.

По мнению Р. Б. Вона, потенциальные возможности осуществить промышленную революцию были и на Западе, и на Востоке. В XVIII столетии Китай и Европа обладали важными сходствами в экономическом развитии и имели сопоставимую мощь. В Китае, как и в Европе, можно было увидеть обширную кустарную промышленность, сопоставимые объемы прибавочного продукта, эффективное сельское хозяйство и расширяющиеся товарно-денежные отношения. Нет оснований говорить о деградации экономической жизни в Китае XVII–XVIII вв. Стоит заметить, что одни лишь производственные факторы и показатели не детерминируют процесс индустриализации как таковой. Конкретное историческое развитие подвержено множеству субъективных влияний [4, р. 278].

Критику европоцентризма усиливает и развивает один из основоположников школы зависимости А. Г. Франк. Его идеи сыграли роль своеобразного манифеста школы. Согласно им, Азия (главным образом Китай и Индия) занимала более значимое положение в мировой экономике, чем Европа, вплоть до 1800 г. А. Г. Франк отрицал, что «Европа выстроила мир вокруг себя» (т. е. исходя из своих социально-экономических традиций и ресурсов). Она активно использовала Америку путем присвоения её природных ресурсов и эксплуатации рабского труда [5, р. XXV]. А. Г. Франк приходит к выводу, что Европа развивалась не благодаря своим экономическим особенностям и уж точно не благодаря своей «исключительности», рациональности, институтам предпринимательства или технологиям. Он делает акцент на экспроприации, системном неравенстве, эксплуататорском характере европейской гегемонии.

Открытие Нового Света было результатом закономерного расширения на пространстве афро-евразийской мир-экономики. Центральное место в ней занимали Китай, Индия и Османская империя. Европейцы стратегически выиграли в тот момент, когда в их руки попали американские серебряные месторождения. Это серебро фактически пошло на покупку дефицитных товаров роскоши Востока. Выигрывали от этого только несколько стран, а Европа в целом оставалась бедной частью мир-экономики [5, р. 353–354].

По мнению А. Г. Франка, только в период между 1750 и 1850 годами европейцы смогли выйти в лидеры экономического роста. Для пережившей рост доходов и цен Европы товары из остальных частей света стали гораздо доступней. Страны Запада использовали произведенные на Востоке товары, которые получили в обмен на серебро, для добычи которого был затрачен лишь рабский труд. Также серебро из Америки шло на покупку зерна и леса в Восточной Европе. Европа конъюнктурно получала необходимые ресурсы из других стран, предлагая им в обмен с относительной легкостью полученное серебро. Освободившиеся вследствие

этого внутренние ресурсы были потрачены на экономический рост.

Глобальный переток серебра из Америки в страны Азии привел к неожиданным историческим последствиям. В Османской империи, Иране, Индии, Японии и Китае на протяжении XVII–XVIII вв. не произошло «революции цен», которая подтолкнула технологическое обновление Европы [5, р. 355]. Американское серебро обеспечивало стратегическую стабильность азиатской экономики, поэтому население этих государств не страдало от демографического давления вплоть до середины XIX в. А. Г. Франк приходит к выводу, что до 1800 г. центральное место в мир-экономике занимал скорее Китай, нежели Западная Европа.

Большой интерес к демографии Китая как наиболее крупного государства проявили исследователи Д. Ли и В. Фенг. Ими была выявлена зависимость уровня рождаемости и уровня жизни от административных возможностей государства. Китайское правительство с давних пор осознавало жизненную необходимость контроля населения. В XVIII в. важную роль играли система государственных зернохранилищ и политика контроля рождаемости. Китайские семьи посредством аборт и умерщвления сознательно избавлялись от девочек, т. к. они требовали приданого, только мальчики являлись наследниками имущества. Характерно, что среднее количество детей в китайских семьях было существенно ниже европейского показателя – 6 против 9,5.

Начиная с 1850 г., когда императорская власть стала ослабевать, рождаемость стихийно возросла. Только в 1970-х гг. после столь бурного роста народонаселения возобновляется традиционное сознательное регулирование рождаемости. Таким образом, Китаю долгое время удавалось избежать мальтузианской ловушки [6]. Также они поставили под сомнение утверждения, согласно которым более ранние браки в Китае способствовали большей рождаемости и крупным семьям, а следовательно, в буквальном смысле съеданию экономического роста [7, с. 48–49].

Большое внимание проблеме промышленной революции в Европе уделит К. Померанц. Он дистанцировался от европоцентризма и принял полицентричную модель А. Г. Франка [8, р. 39]. В своих работах исследователь отрицает ведущую роль эндогенных сугубо европейских факторов (рыночная экономика, буржуазная ментальность, технический прогресс) в процессе индустриализации [9, р. 5].

Как и другие представители школы, Померанц указывает на принципиальный экономический и производственный паритет между ключевыми центрами Западной Европы и Азии вплоть до XIX столетия. По его мнению, глобальная коммерциализация, коммодификация товаров, земли и рабочей силы не вели к промышленному перевороту сами по себе. Все основные экономические регионы мира, включая Западную Европу, к XVIII в. зашли в «протоиндустриальный» тупик («proto-industrial» cul de sac). В громадных обществах все технические и социальные инновации быстро нивелировались мальтузианским ростом населения [9, р. 207].

«Прорыв» Европы, по мнению К. Померанца, случился благодаря двум важнейшим обстоятельствам:

1) наличие в изобилии легкодоступного угля в Великобритании;

2) фактор сверхприбылей от использования богатств Нового Света. «Плоды заморской эксплуатации» (the fruits of overseas exploitation) и «эпохальный переход к ископаемому топливу» (epochal turn to fossil fuels) в Британии решили проблему недостатка земли и энергии [9, p. 21].

В это же время изначально лучше функционирующие экономики Восточной Азии зашли в тупик.

Теоретические построения Дж. Голдстоуна о «Великой дивергенции» в значительной мере являются обобщением идей разных представителей «Калифорнийской школы». Рассматривая суммарное действие религиозных, политических, экономических и демографических факторов, ученый пытается выстроить общую модель «возвышения» Запада. Он разделяет идеи об американском серебре, о восточной демографии и экономическом приоритете доиндустриальной Азии. Но при этом главное внимание автора уделено поиску причин и предпосылок промышленной революции.

Голдстоун утверждает, что многие мировые цивилизации на протяжении истории добились больших успехов в науке и технологии. Индийцы издавна славились передовой математикой, а китайцы и мусульмане в средние века по уровню развития математики и астрономии намного опережали Европу. Но ни одна из этих цивилизаций не совершила промышленной революции. Более того, в большинстве великих цивилизаций научный прогресс часто приостанавливался, а научные достижения даже утрачивались во время политических кризисов, когда общества обычно обращались к возобновлению традиции или религиозной ортодоксии [7, с. 274].

Интеллектуальный отрыв Запада Голдстоун связывает с переворотом в сознании европейцев в XVI в. Открытие новых земель и природных явлений продемонстрировало несостоятельность существовавшего представления о мире, заложенного древними греками, в частности Аристотелем [10, p. 64]. Это привело к поиску новой картины мира, что выразилось в появлении рационализма и эмпиризма. Последний основывался на эксперименте как базе научного познания, был особенно популярен в Британии и сыграл решающую роль в рождении культуры инноваций. «Для того чтобы промышленность могла преобразиться, экспериментальные исследования должны были распространиться по всему обществу, а научное проектирование – стать рутинной составляющей предпринимательства» [7, с. 275]. Дж. Голдстоун пришел к выводу, что в период между 1700 и 1850 годами в Британии сложилась уникальная ситуация, когда огромное количество инноваций во многих отраслях следовали друг за другом, закладывая основу промышленной цивилизации современности.

Итак, обобщим основные положения «Калифорнийской школы»:

1. Во-первых, представители утверждают сопоставимые уровни рождаемости в Китае и Европе Нового времени. Дается высокая оценка высокому уровню производительности труда, урону развития земледелия на Востоке в XVI–XVIII вв.

2. Во-вторых, превосходство азиатских стран в сфере торговли и финансов в абсолютном исчислении капиталов и товарооборота.

3. В-третьих, высокая субъективная роль американского серебра в формировании глобальных финансовых потоков и отрицательного торгового баланса между Европой и Азией.

4. В-четвертых, концепция «бонусов», которые получает Европа и при помощи которых она покрывает издержки экономического и демографического роста, уходит в отрыв. Это уникальные явления и факты, такие как легкая доступность каменного угля для использования или культура инноваций в Британии XVIII века.

5. Пятый вывод – макроисторический, масштабный. Это принципиальное отсутствие экономического детерминизма в историческом развитии Европы; субъективность и временность европейской гегемонии Нового времени.

С самого начала работы исследователей «Калифорнийской школы» подверглись критике. В 1990-е гг. в США развернулись дебаты между сторонниками «европейской исключительности» и последователями идеи «Великой дивергенции» [8, p. 37]. Так, наиболее яркий приверженец первого лагеря, экономист и историк Д. Лэндис стоял на позиции М. Вебера о связи капитализма и религии. По мнению ученого, именно европейская культура и религия стали главными источниками могущества и богатства Европы. Именно мировоззрение, ценности и инициатива позволили Западу добиться доминирования [11, p. 253]. В то же время наука не была изначально одной из основных причин промышленной революции, поэтому Китай, несмотря на технические достижения, проиграл в борьбе с европейскими державами [12, p. 16].

Историки экономики Б. Гупта и Д. Ма через детальное изучение уровня зарплат и потребления пришли к выводу, что уровень жизни даже в самых развитых областях Индии и Китая существенно отставал от северо-запада Европы. Это позволяет утверждать, что «Великая дивергенция» началась с XVII в. [13, p. 270]. Соглашается с исследователями профессор Дартмута Д. Кут. Действительно, производительность сельского хозяйства в Китае и Индии была одним из высочайших в мире. Однако в развитых районах Западной Европы уровень жизни был выше, т. к. их жителям были доступны более дешевые промышленные товары [14, p. 6]. Также указывает на более высокий уровень жизни в Европе, в особенности Британии, Р. Аллен. По его мнению, в Англии в XVIII в. сложилось уникальное сочетание зарплат и цен. Зарплаты были высокими, а цены на энергию – низкими. Это сочетание привело страну прямо к промышленной революции, т. к. дало фирмам мощный стимул изобретать технологии, позволяющие заменить труд капиталом и каменным углем [15, с. 42].

Пожалуй, наиболее последовательным критиком «Калифорнийской школы» является профессор Венского университета П. Врис. Историк во многом соглашается с американцами. По его мнению, конфуцианство в Китае не было преградой для развития экономики; сельское хозяйство даже в конце XVIII в. имело большую производительность, чем в Великобритании, а разница в доходах на душу населения, вероятно, была

невелика. Но в то же время между странами были существенные различия в хозяйственной организации, институтах и в экономической политике [16, р. 71]. Исследователь не соглашается с К. Померанцем, что доступ к углю стал главным фактором в ходе промышленной революции. Таким странам, как Голландская республика и Япония, не хватало ресурсов, однако они стали развитыми [17, р. 737]. П. Врис делает важное замечание, что исследователи «Калифорнийской школы» пренебрегли важными аспектами, среди которых – культура, институциональные и политические различия. Среди них движущие факторы в Великобритании: Банк Англии, финансирование государственного долга, привилегии торговых компаний и парламент. Также важную

роль сыграла военная и финансовая политика государства, выражавшаяся в отстаивании собственных экономических интересов за рубежом, что не было характерно для Китая [18, р. 439].

Идеи «Калифорнийской школы» приобрели особую актуальность на фоне экономического роста стран Восточной Азии. Следует признать, что высказанные ими идеи ревизии, пересмотра традиционных оценок баланса Запад–Восток существенно повлияли на позиции современных историков во всем мире. Дискуссия вокруг предложенного смыслового ядра – одна из наиболее содержательных и интересных дискуссий по социально-экономической истории.

Литература

1. Wallerstein I. The Modern World-System. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. New York, 1974. 411 p.
2. Frank A. G. Review of The Great Divergence // Journal of Asian Studies. 2001. Vol. 60(1). P. 180–183.
3. Goldstone J. A. The rise of the West – or not? A revision to socio-economic history // Sociological Theory. Davis, 2000. P. 173–194.
4. Wong R. B. China transformed: Historical change and the limits of the European experience. Ithaca, 1997. 327 p.
5. Frank A. G. ReOrient: Global Economy in the Asian Age. Berkeley and Los Angeles, 1998. 557 p.
6. Lee J., Feng W. Malthusian Models and Chinese Realities: The Chinese Demographic System 1700–2000 // Population and Development Review. 1999. Vol. 25(1). P. 33–65.
7. Голдстоун Дж. Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500–1850. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 224 с.
8. Eng R. From «The West and the Rest» to Global Interconnectedness: China Historians and the Transformation of World History as a Discipline // ASIANetwork Exchange. 2015. Vol. 22(2). P. 35–48.
9. Pomeranz K. The great divergence: China, Europe, and the making of modern world economy. Princeton, 2000. 393 p.
10. Goldstone J. A. The Origins of Western Superiority: a Comment on Modes of Meta-History and Duchesne's Indo-Europeans Article // Cliodynamics: the Journal of Theoretical and Mathematical History. 2013. Vol. 4(1). P. 54–66. Режим доступа: <http://escholarship.org/uc/item/1144d4t7> (дата обращения: 28.02.2016).
11. Landes D. S. The Wealth and Poverty of Nations: Why Some Are So Rich and Some So Poor. New York, 1999. 658 p.
12. Landes D. S. Why Europe and the West? Why Not China? // Journal of Economic Perspectives. 2006. Vol. 20(2). P. 3–22.
13. Gupta B., Ma D. Europe in an Asian mirror: The great divergence // The Cambridge economic history of modern Europe: 1700–1870. Vol. 1. Cambridge, 2010. P. 264–285.
14. Koot G. M. The Great Divergence: Explaining why Asian economic growth lagged behind European growth, 1500–1870 // University of Massachusetts Dartmouth. 2013, 11 p. Режим доступа: <http://www1.umassd.edu/euro/resources/worldconomy/3.pdf> (дата обращения: 13.03.2016).
15. Аллен Р. С. Британская промышленная революция в глобальной картине мира. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 448 с.
16. Vries P. Via Peking Back to Manchester: Britain, the Industrial Revolution, and China. Leiden, 2003. 121 p.
17. Vries P. The California School and Beyond: How to Study the Great Divergence? // History Compass. 2010. Vol. 8(7). P. 730–751. DOI: 10.1111/j.1478-0542.2010.00698.x (дата обращения: 11.03.2016).
18. Vries P. Are Coal and Colonies Really Crucial? Kenneth Pomeranz and the Great Divergence // Journal of World History. 2001. Vol. 12(2). P. 407–446.

«THE GREAT DIVERGENCE» IN THE CALIFORNIA SCHOOL OF ECONOMIC HISTORY

Sergey S. Buldygin^{1, @}

¹ Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

@ buldygin.sergey@mail.ru

Received 08.07.2016.

Accepted 22.09.2016.

Keywords: California School, The Great Divergence, Industrial Revolution, the economic growth, Eurocentrism.

Abstract: The article discusses works of California School scientists in order to analyze their views on the "rise" of Europe in Modern era, called in 1990s "The Great Divergence". The researchers argue that such advanced countries of the pre-XIXth century East as India and China did not fall behind, and in some cases even surpassed, most developed regions of Western Europe in the level of their economic development, trade and use of technology. The scholars of California School believe that before 1800 the most developed regions of Eurasia had a number of similarities. They point out that the "Great Divergence" between East and West began only during the industrial revolution, and that this is a temporary phenomenon. The article presents the criticism of California School and draws conclusions about the role and influence of the school on the development of issues related to the search for the causes of the formation of modern industrial civilization.

For citation: Buldygin S. S. «Velikaia divergentsiia» v issledovaniakh «Kaliforniiskoi shkoly» ekonomicheskoi istorii [«The Great Divergence» in the California School of Economic History]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2017): 21–25. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-21-25.

References

1. Wallerstein I. *The Modern World-System. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century*. New York, 1974, 411.
2. Frank A. G. Review of The Great Divergence. *Journal of Asian Studies*, vol. 60(1) (2001): 180–183.
3. Goldstone J. A. The rise of the West – or not? A revision to socio-economic history. *Sociological Theory*. Davis, 2000, 173–194.
4. Wong R. B. *China transformed: Historical change and the limits of the European experience*. Ithaca, 1997, 327.
5. Frank A. G. *ReOrient: Global Economy in the Asian Age*. Berkeley and Los Angeles, 1998, 557.
6. Lee J., Feng W. Malthusian Models and Chinese Realities: The Chinese Demographic System 1700–2000. *Population and Development Review*, vol. 25(1) (1999): 33–65.
7. Goldstoun Dzh. *Pochemu Evropa? Vozvyshenie Zapada v mirovoi istorii, 1500–1850* [Why Europe? The Rise of the West in World History, 1500–1850]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara, 2014, 300.
8. Eng R. From «The West and the Rest» to Global Interconnectedness: China Historians and the Transformation of World History as a Discipline. *ASIANetwork Exchange*, vol. 22(2) (2015): 35–48.
9. Pomeranz K. *The great divergence: China, Europe, and the making of modern world economy*. Princeton, 2000, 393.
10. Goldstone J. A. The Origins of Western Superiority: a Comment on Modes of Meta-History and Duchesne's Indo-Europeans Article. *Clodynamics: the Journal of Theoretical and Mathematical History*, vol. 4(1) (2013): 54–66. Available at: <http://escholarship.org/uc/item/1144d4t7> (accessed 28.02.2016).
11. Landes D. S. *The Wealth and Poverty of Nations: Why Some Are So Rich and Some So Poor*. New York, 1999, 658.
12. Landes D. S. Why Europe and the West? Why Not China? *Journal of Economic Perspectives*, vol. 20(2) (2006): 3–22.
13. Gupta B., Ma D. Europe in an Asian mirror: The great divergence. *The Cambridge economic history of modern Europe: 1700–1870*. Cambridge, vol. 1 (2010): 264–285.
14. Koot G. M. *The Great Divergence: Explaining why Asian economic growth lagged behind European growth, 1500–1870*. University of Massachusetts Dartmouth, 2013, 11. Available at: <http://www1.umassd.edu/euro/resources/worldconomy/3.pdf> (accessed 13.03.2016).
15. Allen R. S. *Britanskaia promyomyslennaiia revoliutsiia v global'noi kartine mira* [The British Industrial Revolution in Global Perspective]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara, 2014, 448.
16. Vries P. *Via Peking Back to Manchester: Britain, the Industrial Revolution, and China*. Leiden, 2003, 121.
17. Vries P. The California School and Beyond: How to Study the Great Divergence? *History Compass*, vol. 8(7) (2010): 730–751. DOI: 10.1111/j.1478-0542.2010.00698.x.
18. Vries P. Are Coal and Colonies Really Crucial? Kenneth Pomeranz and the Great Divergence. *Journal of World History*, vol. 12(2) (2001): 407–446.